

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050022

О текстологических проблемах публикации романа «Бесы» в составе Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (1974 и 2021 гг.)

© 2024 г. К. А. Баршт

Доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. адм. Макарова, д. 4
ORCID: 0000-0002-1152-4083
konstantin_barst@pushdom.ru

© 2024 г. М. Я. Дымарский

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48,
старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН,
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
ORCID: 0000-0002-1796-7686
dym2005@list.ru

Резюме. В статье содержится анализ текстов двух академических публикаций романа Ф.М. Достоевского «Бесы» — в составе Полного собрания сочинений в 30 т. (1972–1990) и выходящего в настоящее время Полного собрания сочинений в 35 т. Анализируются связанные с этими публикациями текстологические и историко-литературные проблемы, рассматриваются характерные для каждого из изданий методология и ошибки, анализируются плюсы и минусы обоих изданий. Указывается на важность вопроса о принципиальном несоответствии пунктуации XIX в. современной норме, опирающейся прежде всего на структурно-семантический принцип расстановки знаков препинания и разработанной значительно детальнее сводов XIX в. Сохранение отдельных элементов архаической пунктуации при чтении текста носителем современной пунктуационной нормы оказывает разрушительное действие на смысл. В статье рассматривается ряд примеров, показывающих неприменимость в современной эдиционной академической традиции элементов старой орфографии и пунктуации.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, текстология, академические издания романа «Бесы» Ф.М. Достоевского, орфография и пунктуация, интонационная и структурно-семантическая пунктуация, текстологическая подготовка как перевод.

Для цитирования: Баршт К.А., Дымарский М.Я. О текстологических проблемах публикации романа «Бесы» в составе Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского (1974 и 2021 гг.) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 25–40. DOI: 10.31857/S1605788024050022

On the Textual Problems of Publishing the Novel “Demons” as a Part of the Complete Works of F. M. Dostoevsky (1974 and 2021)

© 2024 Konstantin A. Barsht

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the Institute
of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
4 Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
ORCID: 0000-0002-1152-4083
konstantin_barsht@pushdom.ru

© 2024 Mikhail Y. Dymarsky

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University,
48 River Moyka Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia,
Senior Researcher at the Institute for Linguistic Studies
of the Russian Academy of Sciences,
9 Tuchkov Lane, St. Petersburg, 199053, Russia
ORCID: 0000-0002-1152-4083
konstantin_barsht@pushdom.ru

Abstract. The article contains an analysis of the texts of two academic publications of F. M. Dostoevsky's novel “Demons” — as a part of the Complete Works in 30 volumes (1972–1990) and the currently published Complete Works in 35 volumes. The textual and historical-literary problems associated with these publications are analyzed, the methodology and errors characteristic of each of the publications are considered, the pros and cons of both publications are analyzed. The importance of the issue of the fundamental discrepancy between punctuation of the 19th century and the modern norm, based primarily on the structural and semantic principle of punctuation marks and developed in much more detail than the codes of the 19th century, is pointed out. The preservation of individual elements of archaic punctuation when reading a text by a carrier of a modern punctuation norm has a destructive effect on meaning. The article considers a number of examples showing the inapplicability of elements of old spelling and punctuation in the modern traditional academic tradition.

Key words: F.M. Dostoevsky, textual studies, academic editions of the novel “Demons” by F.M. Dostoevsky, spelling and punctuation, intonation and structural-semantic punctuation, textual preparation as translation.

For citation: Barsht, K.A., Dymarsky, M.Ya. *O tekstologicheskikh problemakh publikacii romana “Besy” v sostave Polnogo sobraniya sochinenij F.M. Dostoevskogo (1974 i 2021 gg.)* [On the Textual Problems of Publishing the Novel “Demons” as a Part of the Complete Works of F.M. Dostoevsky (1974 and 2021)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 25–40. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050022

Важнейшими задачами текстолога при публикации памятника русской литературы в составе академического собрания сочинений являются сохранение авторской воли писателя, правильно понятой и научно обоснованной, и ликвидация или, по крайней мере, снижение коммуникативного напряжения между произведением и современностью. Для достижения этих целей усилиями поколений текстологов были выработаны эффективные средства: научно обоснованная модель перевода текста литературного памятника на современный русский язык и историко-литературный комментарий, разъясняющий то, что

перевести по той или иной причине не удалось. Необходимость такого рода перевода диктуется постоянно идущим процессом изменения естественного языка. Указанный принцип в равной степени касается и «Повести о стоянии на Угре», перевод которой на современный русский язык ни у кого не вызывает удивления, и произведений И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, казалось бы, написанных не так уж давно, но также требующих значительной текстологической обработки.

Парадокс заключается в том, что трудности такого рода перевода тем выше, чем меньше

временная дистанция между памятником и современностью: в таких случаях слишком велико искушение под благовидным предлогом «сохранения авторской воли» сделать минимум изменений в оригинальном тексте, вплоть до желания законсервировать его в виде незыблемого и неизменяемого «канонического текста». О неначужности такого подхода написано уже достаточно много, поэтому остановимся на тенденции к максимально полному сохранению в памятнике литературы элементов прижизненного издания, на вопросе о необходимости отделения следов авторской воли от рутинных следов архаической грамматики русского языка, существовавшей в период создания произведения, опасности их непродуманного смещения и, тем самым, подмены авторской воли существовавшими в период создания произведения явлениями орфографии и пунктуации. Такого рода замены могут привести к тяжелым последствиям: конфликту публикуемого текста с современным языком, приносящей значительный вред ложной трактовке авторской воли писателя и не укреплению, а, напротив, разрушению коммуникативной связи между памятником и современной культурой — то есть фактически к уничтожению результата текстологической работы.

Нет необходимости доказывать обоснованность задачи адаптации литературного памятника к современной языковой среде, закрепленной в более чем вековой научной традиции Пушкинского Дома, в текстологических инструкциях ко всем полным собраниям сочинений, изданным институтом, и сотни раз аргументированной в трудах ведущих текстологов. О подготовке текста в соответствии с современными языковыми нормами не раз писал С.А. Рейсер [1, с. 123–124]; [2, с. 13], о необходимости строго учета фонетических, морфологических и синтаксических норм эпохи говорил Д.С. Лихачев [3, с. 9–20], на категорическую недопустимость буквалистского подхода к тексту литературного памятника указывал Б.М. Эйхенбаум [4, с. 65], о текстологическом «чужестве», покушающемся на «читательскую самостоятельность» реципиента, писал А.Л. Гришунин [5, с. 242], о необходимости адаптации памятника к нормам языка эпохи писала В.С. Нечаева [6, с. 29–88]. Из современных исследователей проблемы ломки смысла при его «аутентичном» воспроизведении описала С.В. Березкина [7, с. 107], казалось бы, вопрос исчерпан.

Этот же круг требований ясно выражен и в изданном под руководством Г.М. Фридлендера Полном собрании сочинений в 30 т. [8].

В текстологической инструкции нового Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 35 т. читаем: «Предпринимаемое Институтом русской литературы (Пушкинский дом) новое академическое Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского <...> представляет второе, исправленное и дополненное издание Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 30 томах, подготовленного и выпущенного Институтом русской литературы (Пушкинский дом) в 1972–1990 гг.»; «6.5.8. Тексты Ф.М. Достоевского печатаются по правилам современной орфографии и пунктуации, с отклонениями от них, оговоренными в предисловии». В преамбуле к 35-томному Полному собранию сочинений подтверждено, что текстологической основой издания остается первое Полное собрание сочинений, изданное на современном русском языке [9, с. 5]. Однако исполнение этой задачи странным образом не идет по намеченному пути.

Основная причина этого заключается в том, что русская пунктуация XIX в. и современная различны функционально и структурно. Степень регламентированности постановки знаков препинания в XIX в. была несравненно ниже современной, жанра свода правил правописания до середины 1880-х годов не существовало, лишь в 1885 г. вышло первым изданием «Русское правописание» Я.К. Грота. Правила обычно излагались в пособиях по грамматике русского языка (наиболее авторитетными были «Практическая русская грамматика» Н.И. Греча, 1-е изд. СПб., 1827, и «Русская грамматика» А.Х. Востокова, 1-е изд. СПб., 1831); они охватывали весьма ограниченный круг пунктуационных ситуаций: разделение самостоятельных предложений точками, однородных членов и частей сложного предложения запятыми, использование точки с запятой, вопросительного и восклицательного знаков, многоточия, в некоторых случаях — двоеточия и тире. В то же время множество пунктуационных ситуаций оставалось вне рассмотрения и кодификации: такие явления, как выделение вводных компонентов, обособление второстепенных членов, оформление вставных конструкций, сочетание нескольких факторов (например, оформление внутренней границы сложного предложения, первая часть которого завершается обособленным членом, стык союзов, сочетание союза и вводного слова или частицы и мн. под.), еще не имели должного осмысления и описания в теоретическом синтаксисе русского языка. В подобных ситуациях пишущим оставалось действовать по наитию. Во многих случаях интуиция подсказывала пишущим стремление отразить с помощью знаков препинания

интонационное оформление конструкции: в результате пунктуация в прижизненных изданиях русской классической литературы XIX в. нередко выглядит как интонационная. Интуитивно принятые пунктуационные решения, во-первых, отличались широкой вариативностью, во-вторых, во многих случаях на фоне норм современного русского выглядят неприемлемыми.

Очевидно, что пытаться создать в тексте памятника русской литературы некий гибрид правописания XIX и XXI вв. — задача смелая, но бессмысленная в общекультурном плане, несостоятельная в плане научном и для самого текста опасная, поскольку в итоге автор оказывается под угрозой предстать в глазах современного читателя человеком безграмотным, скверно владеющим русским языком, не говоря уже об опасности привития учащемуся поколению навыков ненормативного правописания в случае переиздания текста для массового читателя в русле обычной практики. Такая стратегия никак не способствует и сохранению авторской воли писателя.

Казалось бы, после трудов Д.С. Лихачева совершенно ясно, что буквализм в литературоведении — вещь порочная, идея «канонизации» различных элементов текста литературного памятника идет вразрез со всем, что мы знаем о структуре художественного текста и динамике развития национального языка [10, с. 154–178]. Намерение вернуть в Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского — и тем самым внедрить в сегодняшнюю языковую действительность — архаическую пунктуацию XIX века, с которой язык расстался более ста лет назад, выглядит как чрезвычайно амбициозный, однако со всей очевидностью неосуществимый проект, создающий вдобавок серьезные помехи взаимодействию современной культуры с текстами Ф.М. Достоевского. Известно, что знаки препинания в прижизненных изданиях принадлежат далеко не только Достоевскому, но в большей степени его жене, переписывавшей стенограммы продиктованного ей текста, а также наборщику, которому писатель предлагал «угадывать» запятые и расставлять их, руководствуясь собственным эстетическим вкусом. Объяснено, что текстолог, готовящий издание литературного памятника на современном русском языке, — это не смелый экспериментатор-парадоксалист, твердо решивший оставить свое имя в анналах науки, но скромный переводчик, филолог и культуролог, проясняющий и углубляющий канал связи между творчеством писателя и современным читателем. Даны исчерпывающие разъяснения, почему нельзя смешивать две разнородные, несовместимые

пунктуационные системы, создавая внешне безграмотный текст, полный двусмысленностей, нелепостей и смысловых ошибок [11, с. 34–48]. Казалось бы, вопрос исчерпан, однако выход десятого тома собрания сочинений Достоевского с романом «Бесы» убеждает нас, что работа над ошибками далеко не завершена, и обязывает нас снова обратиться к этому вопросу — с единственной целью: вернуть подготовку издания в русло пушкинодомской текстологии, а творческое наследие Достоевского — из области маргинального антинаучного эксперимента в сферу академической науки.

Парадоксом выглядит тот факт, что эпиграф к роману «Бесы», взятый писателем из одноименного стихотворения А.С. Пушкина, полностью соответствует нормам современного русского языка, чего не скажешь о самом тексте произведения Достоевского. Буквалистское сохранение лишних, затрудняющих чтение и мешающих пониманию смысла фразы интонационных знаков, равно как и сохранение пустоты на месте требуемых современными правилами знаков, сохранение немислимых сегодня сочетаний знаков препинания выглядит как ничем не обоснованная претензия текстолога.

1. Лишние или отсутствующие в нужных местах знаки

Вот несколько примеров введения в текст лишних пунктуационных знаков, никаким образом не требуемых для формирования правильного смысла. Читаем: «*Искание Бога*», — как называю я всего проще... [12, с. 217]. Возникает вопрос: к чему здесь запятая и тире после кавычек? Это ли сохранение авторской воли Достоевского, или здесь просто спутаны вводное предложение и авторские слова в конструкции с прямой речью, которой здесь нет?

В другом случае интонационная запятая после вынесенного влево топики *насчет замечания вашего о моей непрактичности* со всей очевидностью соответствует предрематической паузе, но не соответствует современной норме: *Насчет замечания вашего о моей непрактичности, напому вам одну мою давнишнюю мысль: что...* [12, с. 418]. Интонационная запятая после *непрактичности* мешает правильному пониманию текста, создавая эффект «претыкания», как в стародавние времена называли пунктуацию. Она могла бы быть уместной пометой для декламатора, но ведь научное издание памятника литературы создается с иными целями.

Еще пример: *После чего он вытащил портрет своей, уже двадцать лет тому назад скончавшейся, немочки...* [12, с. 69]. Действительно, слева и справа от определения, выраженного развернутым причастным оборотом, возможны интонационные паузы, но пунктуационное обособление не только противоречит современной норме, но и вносит неуместный оттенок однородности этого определения и предшествующего ему определения *своей*.

В ряду такого рода случаев в новой версии текста романа «Бесы», вопреки требованиям текстологической инструкции, наблюдаются неожиданные «исправления» верных решений, принятых в первом Полном собрании сочинений писателя. В ПСС₁ читаем:

... хотя сам был в это дело отчасти замешан сообщениями ему из-за границы инструкциями [13, с. 444].

В издании 2023 г. эта фраза выглядит иначе:

...хотя сам был в это дело отчасти замешан, сообщениями ему из-за границы инструкциями [12, с. 495].

Ничем не мотивированная запятая может быть объяснена, со стороны ее автора, кем бы он ни был, только стремлением отразить с ее помощью паузу при чтении вслух, со стороны текстолога — буквалистским повторением издания 1873 г., текстологическая опора на которое совершенно правильна, чего не скажешь о представленном в нем подходе к подготовке текста.

В другом случае скрупулезное воспроизведение лишней запятой из издания 1873 г. [14, с. 177, 3-я пагинация], зачем-то разделяющей два связанных одиночным союзом *и* однородных сказуемых, ничем не способствуя отражению «авторской воли писателя», лишь создает эффект хромящей фразы:

...подбил его основать разбойничью шайку, и для пробы велел убить и ограбить первого встречного [12, с. 462].

Отдельного внимания заслуживает тенденция текстолога к немотивированному усилению обособлений. В ПСС₁ в своем естественном виде преобладает фраза:

Сгоряча — и, признаюсь, от скуки быть конфиден- том — я, может быть, слишком обвинял его [13, с. 66].

В новом издании парное тире, которого вполне достаточно для выделения конструкции, совмещающей признаки вставки и обособленного обстоятельства с оттенком попутного добавления, по неясным причинам усилено парной запятой:

Сгоряча, — и признаюсь, от скуки быть конфиден- том, — я, может быть, слишком обвинял его [12, с. 71].

Аналогичный пример:

Твердое его намерение лишить себя жизни, — философское, а по-моему, сумасшедшее, — стало известно там [12, с. 467].

Парное тире (вместо парной запятой) использовано здесь с целью придания обособленному определению оттенка попутного комментария. Добавлять при этом стандартные запятые, при которых определение остается обособленным, но лишается указанного значения, со всей очевидностью избыточно и никаким образом не способствует уточнению смысла.

Сочетания знаков препинания стихийной нормой XIX в. не были регламентированы и потому варьировали в довольно широких пределах (ср. ниже примеры сочетания точки с запятой и тире при оформлении прямой речи), в современном академическом своде такого рода сочетания кодифицированы весьма строго [15, с. 312–320]. Основания, которые могли бы послужить оправданием столь вольному отступлению от правил грамматики, найти трудно. Апелляция к авторской воле выглядела бы здесь малоубедительно, поскольку очевидное стремление автора придать выделяемым компонентам статус попутного комментария, как уже сказано, прекрасно реализуется заменой парной запятой на парное тире.

Непредвиденный и явно не запланированный автором смысл возникает в результате ничем не обоснованного обособления обычного обстоятельства:

...что многим из наших дам, на этот раз, тотчас же показалось особенно подозрительным [12, с. 254].

Выделенное запятыми словосочетание *на этот раз* подразумевает противопоставление чему-то, что было «в другой раз», однако этого значения в контексте нет.

Можно ли счесть необходимым уточнением творческого замысла Достоевского отсутствие запятой, отделяющей в сложноподчиненном предложении главное от придаточного? Именно это наблюдаем в следующем примере:

(3) *...ведь это не всё ли равно что вся площадь кричит?* [12, с. 91].

Аналогичный пример:

О, тут совсем не то что с Пушкиными, Гоголями, Мо- льерами... [12, с. 74].

Может быть, *не то что* понято текстологом как цельный оборот или часть градационного союза? На самом деле здесь нет ни того, ни другого: перед нами стандартное сложноподчиненное предложение.

В следующем случае отсутствие запятой перед вторым союзом *да* превращает его из противительного в соединительный, а заодно лишает двойственности, противоречивости душевное состояние героини, которой одновременно и хорошо, и грустно:

... солнце заходит, да такое большое, да пышное, да славное, — любишь ты на солнце смотреть, Шатушка? Хорошо да грустно [12, с. 127].

Еще один пример немотивированного отсутствия запятой:

...и довольно, довольно, пожалуйста без вопросов, больше ничего теперь не скажу [12, с. 193].

Правила позволяют снять запятую после вводного слова или перед ним, если оно относится только к обороту, в начале или конце которого оно находится [15, с. 264]. Однако в данном случае перед нами не вводное слово, а этикетное междометие, на которое действие этого правила не распространяется.

В другом случае необходимая запятая отсутствует также, по-видимому, в связи с устаревшим представлением о том, что знаки препинания прежде всего отражают интонационное оформление речи:

...обратился я к Алексею Нилычу с отдаленным вопросом: вы, говорю, и за границей и в Петербурге еще прежде знали Николая Всеволодовича [12, с. 89].

В этих и подобных им случаях налицо буквальное повторение интонационной запятой или ее отсутствия в прижизненном издании 1873 г. [14, с. 21, вторая пагинация], а также давно уже признанного спорным в текстологическом отношении издания 1920-х годов [16], использование в котором интонационных запятых еще можно было бы оправдать тем, что современная пунктуационная система окончательно укрепила только к середине XX в.

Не меньшее недоумение вызывает последовательный отказ от выделения запятыми выражения *между прочим* — и там, где он может быть обоснованным, и там, где никаких оснований для этого нет. *Между прочим* может функционировать в языке и как вводный компонент в значении ‘кстати, к слову’, и как обстоятельство образа действия со значением ‘попутно, помимо другого’,

восходя к косвенному дополнению. В первом случае оно подлежит обязательному выделению запятыми, во втором — нет [17, с. 247–248, 510]. Разграничение двух разных функций *между прочим* не всегда выглядит очевидным; можно, однако, утверждать, что связь *между прочим* со сказуемым — глаголом речи является признаком его обстоятельственной функции; расположенное в середине предложения *между прочим* с большей вероятностью является вводным компонентом, а расположенное в абсолютном конце — обстоятельством; позиция в абсолютном начале предложения амбивалентна. В одних случаях опора на эти признаки может дать убедительный результат, в других — нет. Например, в предложении:

Между прочим, сообщил, что накануне вечером, часов в девять (значит, часа за три до пожара), был у Марьи Тимофеевны [13, с. 431]

возможна двоякая трактовка функции *между прочим*. С одной стороны, явная связь этого компонента с глаголом речи *сообщил* указывает на его обстоятельственную функцию. С другой стороны, контекст не дает однозначной поддержки значения ‘попутно, помимо другого’:

Катастрофа с Лизой и смерть Марьи Тимофеевны произвели подавляющее впечатление на Шатова. Я уже упоминал, что в то утро я его мельком встретил, он показался мне как бы не в своем уме. Между прочим, сообщил, что накануне вечером, часов в девять (значит, часа за три до пожара), был у Марьи Тимофеевны. Он ходил поутру взглянуть на трупы, но, сколько знаю, в то утро показаний не давал нигде никаких.

Встреча повествователя и Шатова произошла *мельком*: это не создает впечатления обстоятельного разговора, затрагивающего различные темы; в то же время в следующей фразе повествователь сообщает, что Шатов «ходил поутру взглянуть на трупы», и можно полагать, что повествователь узнал об этом именно от Шатова: тогда обстоятельственная трактовка *между прочим* становится осмысленной. Следует также обратить внимание на то, что вводное *между прочим* имеет не только значение ‘кстати, к слову’, но и выделительную, акцентирующую функцию: оно указывает на то, что высказывание содержит информацию, на которую следует обратить особое внимание; это значение прекрасно согласуется с содержанием фразы. Таким образом, двойственная природа *между прочим* в данном случае разрешает как наличие, так и отсутствие запятой, поэтому целесообразна апелляция к прижизненному изданию в надежде на то, что в нем могла быть отражена авторская воля. Следовательно, вариант:

Между прочим сообщил, что накануне вечером, часов в девять (значит, часа за три до пожара), был у Марьи Тимофеевны... [12, с. 481]

имеет право на существование.

Но в следующем случае никаких оснований для того, чтобы снимать запятые при *между прочим*, имевшие место в ПСС₁, нет и быть не может:

Для того между прочим вы и сплотились в отдельную организацию свободного собрания [12, с. 516].

Здесь *между прочим* не связано с глаголом речи, находится в середине предложения и имеет значение ‘кстати, к слову, обратите особое внимание’, является вводным компонентом. Отсутствие запятых здесь не просто ошибочно, но ведет к искажению смысла: возникает перспектива ложного истолкования, будто члены революционной организации выбирали, для чего им сплотиться, и выбрали сразу несколько целей, в то время как подразумевается, безусловно, одна вполне определенная цель.

Ничем не мотивированное отступление от правила о выделении запятыми вводного компонента обнаруживается и в следующем случае:

...ведь все-таки она себя оскандалила, кроме того я ей про «ладью» наговорил... [12, с. 451].

Очевидно, что подобные ошибки, останавливая недоуменное внимание читателя и отвлекая его от содержания, не способствуют вдумчивому восприятию текста и никак не свидетельствуют об авторской воле писателя.

Заметим, что наряду с обилием такого рода ошибок в новом тексте «Бесов» встречается и правильное пунктуационное оформление:

...кроме того, был обличен в скудости убеждений... [12, с. 30].

Но в большинстве случаев механическое возвращение архаической пунктуации прижизненного издания романа «Бесы» в современную публикацию едва ли не полностью лишило текст романа вводных слов и словосочетаний. Особенно серьезно это сказалось на часто употребляемом вводном *однако*:

И однако же особа была обижена и письмом, и стихами [12, с. 230].

С ортологической точки зрения, это банальная ошибка, никак не помогающая сохранить авторский стиль писателя, с точки же зрения формирования текстового смысла — она порождает ложное истолкование, так как в таком написании

возникает феномен некой «однако же особы», заставляющий читателя углубиться в размышления, кто бы это мог быть.

Еще примеры:

И однако ж я совершенно не понимал... [12, с. 119];

И однако мне-то, мне каково! [12, с. 68];

И однако все эти грубости и неопределенности... [12, с. 71];

И однако через несколько времени... [12, с. 430].

Конечно, *однако* в изолированном употреблении в абсолютном начале предложения может функционировать как противительный союз, но в сочетании с другими союзами это слово возвращается туда, откуда и пришло: становится вводным. Отсутствие обязательных запятых заставляет читать фразы, подобные приведенным, как безграмотные — и недоумевать, чего всем этим желал добиться текстолог.

Во фразе:

*К тому же честью клянусь, тут Липутин: «Пошли да пошли, всякий человек достоин права переписки»... [12, с. 230] — из-за отсутствия обязательной запятой при вводном предложении *честью клянусь* возникает значение, что персонаж клянется честью применительно к *чему-то*, хотя такого рода управления у глагольного фразеологизма *клясться честью* не существует.*

Подобного рода участь постигла в новом издании «Бесов» и другое вводное слово — *конечно* — в частотном для Достоевского сочетании с частицей *уж*:

...и уж конечно была рада письму важной старушки... [12, с. 184].

Внимательный читатель может даже заподозрить в этом случае скрытый смысл конечного характера радости героини; однако не приходится сомневаться, что выражение такого смыслового оттенка вряд ли входило в творческие намерения писателя. Аналогичные примеры:

...завывая к себе нигилиста, господин Кармазинов уж конечно имел в виду сношения его с прогрессивными юношами... [12, с. 185];

...уж конечно не расположен в ту минуту к чему-нибудь трагическому... [12, с. 419];

Она вскрикнула и упала в обморок (о, уж конечно в настоящий обморок)... [12, с. 437].

В следующем примере уничтожение запятой перед двумя обстоятельствами, уточняющими предшествующее обстоятельство *раньше всех нас*, создает ложное впечатление, будто «все мы» одновременно находились в Петербурге пять или

шесть лет назад и тогда же познакомились с Николаем Всеволодовичем, только Лебядкин «всех нас» в этом несколько опередил:

А что вы спрашиваете про капитана Лебядкина, то тот раньше всех нас с ним познакомился в Петербурге, лет пять или шесть тому... [12, с. 90].

Еще одно слово, с которым связана ошибка, систематически встречающаяся в новой публикации «Бесов», — это *наконец*. Оно может быть трактовано как наречие со значением ‘в конечном итоге, после всего, напоследок, под конец, в результате всего’ [17, с. 266–267]; в этом случае оно располагается, как правило, в начале предложения или, во всяком случае, перед составом сказуемого, которое оно распространяет в роли обстоятельства со значением времени и образа действия. Его омоним, вводное слово *наконец*, «указывает на то, что слово (выражение), которое следует далее, заключает сказанное ранее или является последним; также выражает недовольство, нетерпение, досаду» [17, с. 266–267] и располагается в середине или конце предложения; типичная для него позиция — после сказуемого. Во множестве случаев в новой публикации романа «Бесы» именно вводное слово *наконец* не выделено запятыми, уводя мысль читателя к бесплодной попытке трактовать описываемое действие героя как итоговый результат некоего процесса:

Скажешь ли наконец что-нибудь? [12, с. 62];

...двое единственных свидетелей брака, Кириллов и Петр Верховенский, и, наконец сам Лебядкин... [12, с. 212];

Если он решится наконец сегодня утром вам сделать визит... [12, с. 78];

Умоляю вас наконец (так и было выговорено: умоляю)... [12, с. 88].

В погоне за формально понятой «авторской волей» текстолог волю писателя, всегда направленную на то, чтобы быть правильно понятым, искажает или вовсе отменяет. Рассмотрим предложения:

Во всяком случае, я бы не полезла на твоем месте за такую дрянью в карман [13, с. 135].

Во всяком случае в данном случае означает ‘по крайней мере [17, с. 70, 358–359], так или иначе’ и является вводным компонентом. В новом издании «Бесов» обнаруживаем:

Во всяком случае я бы не полезла на твоем месте за такую дрянью в карман [12, с. 148].

Вместо вводного компонента здесь возникает обстоятельство условия, и оказывается, что персонаж

принципиально готов к тому, чтобы лезть «за такую дрянью в карман», только не во всяком, а лишь в некоторых особых случаях. Крайне сомнительно, что Достоевским имелся в виду именно такой смысл. Этот пример не единичен, ср.:

Вы, может быть, спасете ее, спасете! Во всяком случае, честь доставите. Вы сформируете ее к жизни... [13, с. 61];

Вы, может быть, спасете ее, спасете! Во всяком случае, честь доставите. Вы сформируете ее к жизни... [12, с. 63].

В прижизненном издании романа запятая отсутствует, но смысл, подразумевавшийся писателем, бесспорно, связан с вводной, а не обстоятельственной функцией сочетания *во всяком случае*. Отсутствие запятой ломает смысл фразы, рисуя перед Степаном Трофимовичем Верховенским обширный круг самых разнообразных случаев, при которых он обязан теперь «доставить честь» Даше Шатовой.

Обеднение смысла — одно из частотных следствий вольных упражнений с пунктуацией при подготовке академического издания произведения русского классика. В предложении:

...статью его, написанную с страшною претензией на самую наивную поэзию, и при этом на психологию [13, с. 70]

запятая перед союзом *и* подчеркивает его присоединительный (а не соединительный) характер (ср. *при этом*). Снятие этой запятой лишает союз *и* присоединительного значения и уравнивает «поэзию» и «психологию» в статье персонажа. Задуманный Достоевским и выраженный повествователем намек на несовместимость наивной поэзии с психологией при этом исчезает.

В других случаях оказывается поражен не только оттенок значения, но и общий смысл фразы. Пример такого рода:

Бедный друг мой был так настроен или, лучше сказать, так расстроен... [12, с. 132].

Отсутствие запятой перед *или*, употребленным здесь в качестве не разделительного, а пояснительного союза (в значении ‘то есть’), приводит к существенному изменению общего строя фразы: союз воспринимается как обычный разделительный, и в результате читателю предлагается выбирать из двух возможных вариантов, противопоставляя их друг другу, «настроен» или «расстроен» был «бедный друг».

Еще пример:

...очень умен, но, может быть и помешан [12, с. 90].

В таком пунктуационном оформлении, во-первых, необъяснима запятая, отделяющая *но* от сложного сказуемого *может быть помешан*. Во-вторых, неизбежная при отсутствии запятой после *может быть* трактовка *может быть помешан* как сложного сказуемого уничтожает предположительную модальность и превращает фразу чуть ли не в вердикт врача: Ставрогин умен, но при этом имеются отдельные признаки помешательства, не дающие, однако, полной клинической картины. Между тем никаких клинических признаков помешательства говорящий не подразумевает, он лишь не исключает того, что Ставрогин — при всем своем уме — еще и душевнобольной, и эта гипотетическая модальность выражается вводным *может быть*, которое должно быть выделено запятыми с обеих сторон.

Буквальное воспроизведение пунктуации XIX века в современном издании временами порождает откровенные ошибки, принуждающие читателя проделывать бесполезный поиск смысла в несуществующих словосочетаниях — например, **собственно хотеть*:

То есть я собственно хочу сказать, что, оставляя его тогда в Петербурге... [12, с. 81].

Отказ от современной пунктуационной системы в угоду интонационным знакам, присутствующим или отсутствующим в прижизненном издании, заставляет читателя отвлекаться от сюжетной интриги и глубоких философских идей, которыми поглощены персонажи романа, и метаться в поисках ответа на ребусы и загадки, порожденные неполнотой текстологического оформления. Восстановив необходимые запятые, получаем осмысленное высказывание:

То есть я, собственно, хочу сказать, что, оставляя его тогда в Петербурге... [13, с. 75].

Иной вариант пунктуационного недоразумения представляет собой смешение союза-частицы с междометием, образующееся при отсутствии выделения запятыми. В новом издании «Бесов» читаем:

А это отставной капитан; прежде он только штабс-капитаном себя называл... [12, с. 85]

вместо задуманного Достоевским:

А, это отставной капитан; прежде он только штабс-капитаном себя называл... [13, с. 78].

Вместо эмоционального возгласа здесь появляется хладнокровная интонация опытного экскурсовода: «А это отставной капитан....», резко

выпадающая из контекста сцены романа, где описана догадка Степана Трофимовича, который вначале не понимает, о ком идет речь, а затем его осеняет, что речь идет именно о капитане Лебядкине.

2. Формально допустимые текстологические решения, влекущие за собой существенные искажения смысла

Разумеется, в значительном числе случаев пунктуационные решения старых изданий случайно совпадают с современной нормой или, во всяком случае, не вступают в формальное противоречие с ней. Однако в ряде случаев такие решения ведут к коренному изменению смысла фразы. Например:

Алексей Нилыч даже нагайку вырвали-с, изломали и в окошко выбросили, и очень поссорились [13, с. 79].

В этом предложении два союза *и*. Закономерен вопрос: это повторяющийся соединительный союз или два разных союза? А если два разных, то каковы функции каждого из них? Версия о повторяющемся союзе должна быть сразу исключена: ряд **и в окошко выбросили, и очень поссорились* бессмыслен. Следовательно, запятая перед вторым союзом поставлена не по правилу о повторяющемся союзе. Она же и подсказывает адекватную интерпретацию фразы. Первый союз вводит последний однородный член в ряду *вырвали, изломали и выбросили*: на этом однородный ряд закрыт. Запятая перед вторым союзом *и* обращает его из обычного соединительного в присоединительный, что отвечает смысловой структуре: три первых действия являются составляющими основного события — *поссорились*, — но никак не исчерпывают его. Поэтому целостная квалификация события не должна стоять в одном ряду с номинациями отдельных его составляющих.

В новом же издании читаем:

Алексей Нилыч даже нагайку вырвали-с, изломали и в окошко выбросили и очень поссорились [12, с. 86].

Иерархия события и его составляющих в этом случае уничтожается, смысл фразы искажается, а вопрос о функции второго союза *и* становится неразрешимым. Возникает ложный семантический оттенок одновременности и несвязанности этих действий: Алексей Иванович, возможно, с кем-то ссорился, попутно и независимо от этого нанося непоправимый ущерб нагайке.

Сравним два варианта фразы:

Вдруг толпа расступилась и образовался небольшой пустой круг около лежавшей Лизы [12, с. 460];

Вдруг толпа расступилась, и образовался небольшой пустой круг около лежавшей Лизы [13, с. 413].

Очевидно, что перед нами сложносочиненное предложение, части которого по общему правилу должны разделяться запятой. Отсутствие запятой может быть оправдано наличием «общего второстепенного члена» — темпорального детерминанта *вдруг*. Однако, если этот детерминант считать общим для обеих частей конструкции, это означает, что события обеих частей происходят одновременно. Между тем «пустой круг» мог образоваться только после (и вследствие) того, как толпа расступилась; следовательно, детерминант не является общим и распространяет свое действие только на первую часть предложения. Поэтому запятая обязательна, а ее отсутствие искажает смысл фразы и, разумеется, авторскую волю Достоевского.

Еще один пример грубого искажения смысла при формально допустимом пунктуационном оформлении:

...поднес на тарелке записку, маленькую бумажку незапечатанную, с двумя строчками карандашом [12, с. 199].

Читателю сообщается о «маленькой незапечатанной бумажке» (!!), в то время как Достоевский, разумеется, имел в виду *незапечатанную записку*. *Маленькая бумажка* здесь — обособленное приложение, *с двумя строчками карандашом* — обособленное распространенное несогласованное определение, *незапечатанная* является обособленным определением, т.к., хотя оно одиночное и согласованное, оно находится в ряду однородных определений и приложений в постпозиции. Исчезновение этого обособления искажает смысл фразы, заставляя предположить существование в мире Достоевского феномена «запечатанных бумажек».

Подобного рода грамматических казусов в новом издании романа «Бесы» немало. Вот еще один пример: достаточно ясная фраза Петра Степановича Верховенского:

...как-с? примочки? это очень, должно быть, полезно [13, с. 144]

обретает в новом издании вид:

...как-с? примочки? это очень должно быть полезно [12, с. 158].

В первом случае вводный компонент *должно быть* вносит в предложение модальность предположительности — вероятно, с некоторой иронической коннотацией, — во втором случае возникает сложное сказуемое *должно быть полезно*, и

предложение резко меняет модальность, превращаясь в безапелляционный вердикт о несомненной полезности примочек, мало совместимый с общей тональностью разговора.

Подобного рода семантический сбой мы видим во фразе:

Я вас конфиденциально спросил совсем нечаянно [12, с. 83],

обретающей подлинный смысл при правильной пунктуации:

Я вас конфиденциально спросил, совсем нечаянно [13, с. 77].

В первом варианте отсутствие запятой приводит к тому, что герой Достоевского неожиданно для себя задал вопрос *конфиденциально*, в то время как ранее, вероятно, намеревался сделать то же официально и/или прилюдно. Мы видим, как исчезновение одного знака резко меняет значение фразы.

Еще один пример из текста нового издания «Бесов»:

Не знаю, для чего, я поворотил за ним назад; не знаю, для чего, я пробежал подле него десять шагов [12, с. 76].

В основе этой конструкции лежат два сообщения повествователя: *я поворотил за ним назад, я пробежал подле него десять шагов*, — образуя диктум высказывания. В обоих случаях действия не только не были вызваны какой-то определенной целью, но даже самому повествователю кажутся не вполне объяснимыми. Этот смысл формирует модус высказывания. Для выполнения этой творческой задачи автор выбрал наиболее сильное средство: целое сложноподчиненное предложение *не знаю для чего*, хотя подобный модус мог быть выражен и значительно проще, например с помощью наречия *зачем-то*. В конструкциях, где придаточное состоит из одного слова, запятая не ставится, поэтому перед *для чего* она не нужна. Однако всё сложноподчиненное предложение с обстоятельственной функцией (*не знаю для чего*), выражающее модус, должно отделяться запятой от главной части, выражающей диктум: ведь перед нами бессоюзная конструкция. Следовательно, оптимальное соответствие пунктуации смысловой структуре фразы выглядит так:

Не знаю для чего, я поворотил за ним назад; не знаю для чего, я пробежал подле него десять шагов.

Этому варианту не соответствуют решения как ПСС₁, так и ПСС₂. В новом издании ошибочна запятая перед *для чего*, а в издании 1974 г. изменен состав диктума и модуса: из последнего изъято

обстоятельственное для чего, и смысл всего высказывания существенно изменился:

Не знаю, для чего я поворотил за ним назад; не знаю, для чего я пробежал подле него десять шагов [13, с. 71].

Следующий пример также формально допускает двоякое пунктуационное оформление, но только одно из них способно претендовать на соответствие авторскому замыслу. И в новом, и в предыдущем академическом издании «Бесов» читаем:

А не заметили ли вы в течение лет, говорю, некоторого, говорю, как бы уклонения идей... [12, с. 89]; [13, с. 82].

В этой фразе отсутствие обособления *в течение лет* заставляет воспринимать его как обычный обстоятельственный (темпоральный) детерминант. Однако он находится в необычной для детерминанта позиции, ведь при нейтральном порядке слов — даже в вопросительном предложении — он должен был бы находиться в абсолютном начале фразы. Смещенный же в середину, он приобретает характер своеобразного попутного пояснения. Говорящий поясняет важный оттенок смысла вопроса: начав спрашивать, не заметил ли собеседник некоторого «уклонения идей», но произнеся еще только *не заметили ли вы*, он решает уточнить, что его интересует не какое-либо одномоментное наблюдение, впечатление, а результат длительных наблюдений. Этот акцент во фразе Липутина важен тем, что он подчеркивает длительность знакомства Алексея Нилыча со Ставрогиным и якобы вытекающее из этого хорошее знание свойств его характера. Такое обособление обстоятельственного выражения возможно и с точки зрения современной пунктуационной нормы¹, а кроме того, оно органично согласуется с речевой манерой Липутина: его фраза разворачивается толчками, с запинками и прерываниями (ср. многократный повтор *говорю*). Следовательно, более точным является вариант:

А не заметили ли вы, в течение лет, говорю, некоторого, говорю, как бы уклонения идей...

Иногда пунктуационные провалы при публикации текста «Бесов» выглядят как простые грамматические неловкости автора, если принять версию, что именно это и есть полное и точное выполнение авторской воли Достоевского. Именно такое впечатление производит фраза:

¹ «Обстоятельства, выраженные существительными в формах косвенных падежей с предлогами, обособляются для попутного пояснения или смыслового выделения. Такое обособление факультативно» [15, с. 247]

Первая записка была от третьего дня, вторая от вчерашнего, а последняя пришла сегодня, всего час назад; содержания самого пустого, все о Кармазинове и обличали суетное и честолубивое волнение Варвары Петровны... [12, с. 77].

Отсутствие запятой перед *и обличали* заставляет читателя воспринимать *о Кармазинове и обличали* как однородные сказуемые при подлежащем *все*. Между тем синтаксическая структура предложения отнюдь не такова. Подлежащее во второй части этого предложения (после точки с запятой) — *записки*, но оно опущено во избежание повтора. *Содержания самого пустого* — первое сказуемое при этом подлежащем; *все² о Кармазинове* — уточняющее определение к прилагательному *пустого* в составе сказуемого (возможна трактовка *все о Кармазинове* как подлежащно-сказуемостной структуры, но это не изменяет ее уточняющей — а следовательно, подчиненной — роли по отношению к главному сказуемому *содержания самого пустого*); второе сказуемое — *обличали*. Запятая необходима для того, чтобы «закрыть» обособленное уточняющее определение и исключить чтение **все о Кармазинове и обличали*, довольно бессмысленное. Поэтому единственно возможным здесь представляется вариант:

Первая записка была от третьего дня, вторая от вчерашнего, а последняя пришла сегодня, всего час назад; содержания самого пустого, все о Кармазинове, и обличали суетное и честолубивое волнение Варвары Петровны [13, с. 72].

Справедливости ради следует заметить, что на этом высказывании, как и на очень многих в романе, лежит яркий отпечаток разговорности; в данном случае это проявляется в типичной разговорной компрессии содержания, которая ведет к стиранию границ компонентов структуры. В устной речи это компенсируется интонацией, на бумаге же легко возникают разночтения — особенно если пунктуационное оформление конструкции не способствует прояснению смысловых отношений между компонентами. Очевидно, что, если бы высказывание имело стандартный для письменной речи вид, разночтения были бы вряд ли возможны:

**Первая записка была от третьего дня, вторая от вчерашнего, а последняя пришла сегодня, всего час назад;*

² Вариант с буквой *ё* не рассматриваем, в таком случае она присутствовала бы в прижизненном издании и наверняка сохранялась бы в последующих, поскольку употребление *ё* для разграничения дифференцирующих написаний было кодифицировано еще Я.К. Гротом и сохраняется до сих пор, причем в качестве примера обычно и приводятся написания *все / всё*.

записки были содержания самого пустого, все о Кармазинове, и обличали...

3. Невозможные сочетания знаков препинания

Особое удивление вызывает неожиданное для издания, подготовленного в соответствии «с нормами современного русского языка», сочетание знаков препинания при оформлении прямой речи, разорванной словами автора (подчеркнуто):

Ох, сюда! — указала Прасковья Ивановна на кресло у стола и тяжело в него опустилась с помощью Маврикия Николаевича; — не села б у вас, матушка, если бы не ноги! — прибавила она... [12, с. 142].

По действующим правилам, если первая часть прямой речи завершается восклицательным или вопросительным знаком, после разрывающих ее слов автора ставятся точка и тире, а вторая часть прямой речи начинается с прописной буквы, как это и сделано в издании под редакцией Г.М. Фридлендера:

Ох, сюда! — указала Прасковья Ивановна на кресло у стола и тяжело в него опустилась с помощью Маврикия Николаевича. — Не села б у вас, матушка, если бы не ноги! — прибавила она... [13, с. 130].

Что могло руководить текстологом, принявшим решение о такой замене? Можно предположить следующее. В XIX в. восклицательный и вопросительный знаки нередко использовались в середине предложения, не имея функции знака конца высказывания и указывая только на наличие особого интонационного выделения:

— Я отделаю этих господ, как они того заслуживают. Как?! обижать моего друга Греча! Вот я их! [Н.И. Греч. Записки о моей жизни (1849–1856)]³;

Он поднял глаза свои, посмотрел смутно и сказал: «Так вот это вы уже и погребли ее! зачем?!..» Он остановился и не закончил своей речи [Н.В. Гоголь. Старосветские помещики (1835–1841)].

Если представить себе, что прямая речь Прасковьи Ивановны не разорвана словами автора и оформлена подобным образом, то она должна была бы выглядеть так: *Ох, сюда! не села б у вас, матушка, если бы не ноги!* В таком случае подчеркивалась бы цельность реплики персонажа (хотя, заметим, здесь она весьма сомнительна); для того, чтобы сохранить эту цельность, текстолог мог сознательно допустить отступление от действующей грамматической нормы. В таком случае в текстологическом комментарии к роману требовалось бы указать на это отступление от правил

и аргументировать это отступление. По причине отсутствия двенадцатого тома с комментарием к «Бесам» мы не можем утверждать, что такого комментария нет, возможно, мы его увидим. Но в отсутствие подобных разъяснений обсуждаемое пунктуационное решение порождает лишь недоумение. Между тем таких примеров на страницах нового издания не один десяток [12, с. 83, 103, 104, 144, 145, 146 и др.].

4. Орфографические казусы

Есть некоторые вопросы и к орфографии нового издания романа «Бесы». Избыточно верное следование букве прижизненного издания романа ведет к решениям, которые прямо противоречат современной норме и могут быть квалифицированы, с ее точки зрения, только как орфографические ошибки. Такова в новом издании, например, фраза

...что-то новое, очень уж не похожее на прежнюю тишину [12, с. 19].

Прилагательное, в отличие от причастия, нечувствительно к наличию зависимых слов в отношении к слитному / раздельному написанию с частицей *не*; «оторвать» ее от прилагательного могут только несколько слов, задаваемых списком (ПАС, § 147). В рассматриваемом примере ни какого-либо из этих слов (*вовсе не*, *далеко не* и т.п.), ни противопоставления (с союзом *а/но*) нет, поэтому нет и условий для выбора раздельного написания. Единственно верным является решение, выбранное в издании 1974 года:

...что-то новое, очень уж непохожее на прежнюю тишину [13, с. 20].

Давно уже сложилась традиция, закрепленная в словарях и текстах русской классической литературы, что слово *Бог* пишется с заглавной буквы только в случаях, если речь идет об одной из ипостасей Троицы или для называния имени Верховного Существа в иной монотеистической религии, во всех остальных случаях — в пословицах и поговорках, упоминаниях языческих божеств и пр. — со строчной [15, с. 178–182]. Этот принцип однозначно соответствует заповеди: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исх. 20:7). Однако текстолог нового издания «Бесов» безбоязненно вводит прописную букву в ситуациях, когда о Боге и речи нет, например в междометиях:

...в этом, ей-Богу, есть как будто какая-то великодушная твердость... [12, с. 122].

³ Примеры с паспортизацией в квадратных скобках заимствованы из Национального корпуса русского языка.

Одновременно с этим написано со строчной имя Бога, в которого хотел бы обратиться Кириллов (оставляем в стороне философско-религиозный аспект его утопической претензии):

Кто смеет убить себя, тот тайну обмана узнал. Дальше нет свободы; тут всё, а дальше нет ничего. Кто смеет убить себя, тот бог [12, с. 102].

Трудно увидеть в соотношении двух приведенных решений какую-либо внятную логику.

Сохранение в тексте памятника литературы старинных слов и экзотических написаний — распространённая и имеющая свои резоны тексто-логическая практика; однако дело как раз в этих резонах. Одно дело пресловутые «слёзы первые любви», где замена на современное написание уничтожает либо смысл, либо размер стиха, другое — сохранение архаического написания *отсоветывал* [12, с. 73]. Удалось ли новому изданию «Бесов» улучшить тем самым наше представление об авторской воле Достоевского, или все-таки стоило прислушаться к решению И.А. Битюговой, предпочитавшей написание *отсоветовал* [13, с. 68]?

5. Исправление ошибок, допущенных в первом издании

Все эти ошибки и казусы, нарушения тексто-логической инструкции, увлеченность буквализмом тем более обидны, что текстологом нового академического издания «Бесов» проведена значительная работа, сделаны существенные исправления некоторых огрехов, допущенных в первом Полном собрании сочинений писателя. Например, в издании 1974 г. читаем:

...скажу тебе, что и я получила дней шесть тому назад тоже анонимное, шутовское письмо [13, с. 135].

Здесь вызывает сомнения запятая, превращающая определения в однородные; ведь анонимные письма отнюдь не регулярно бывают шутовскими [12, с. 148].

Еще одно исправление ошибки, допущенной в предыдущем академическом издании:

...что Кириллов, которому через час какой-нибудь предстояло умереть (все-таки Петр Степанович это имел в виду) казался ему чем-то вроде уже получеловека... [13, с. 470].

Отсутствующая запятая, закрывающая придаточное предложение после вставной конструкции в скобках, восстановлена [12, с. 525].

Еще один пример верного исправления:

...кроме тех особенных случаев когда успех дороже истины... [13, с. 156];

...кроме тех особенных случаев, когда успех дороже истины... [13, с. 171].

Временами игнорируя повторяющийся союз *и*, новое издание справедливо исправило эту же ошибку, допущенную в первом академическом собрании сочинений:

Они и Шатова знают и супругу Шатова знают... [13, с. 76];

Они и Шатова знают, и супругу Шатова знают... [12, с. 82].

В первом академическом издании ПСС читаем:

Правда, у него накопилось, что рассказать... [13, с. 68];

В новом издании справедливо заменено:

Правда, у него накопилось что рассказать... [12, с. 73].

Действительно, трактовка предложения как стандартного сложноподчиненного с изъяснительным придаточным в старом издании является натянутой. Глагол *накопиться* явным образом не принадлежит к группе лексем со значением речи, мысли, чувства, волеизъявления, способным присоединять изъяснительные придаточные. Зато здесь очевидна перекличка с безличными конструкциями типа *Мне есть что рассказать / Мне нечего рассказать / У меня найдется о чем рассказать / У меня не нашлось о чем рассказать*. Главный член таких конструкций образуется сочетанием бытийного глагола, отрицательного или вопросительно-относительного местоимения и инфинитива (в примерах выделены полужирным) [18, с. 120–121]. Очевидно, что перед нами не сложное предложение, запятая в нем не нужна.

Нельзя также согласиться и с трактовкой в издании 1974 г. фразы:

Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою... [13, с. 200].

Верная пунктуационная интерпретация приведена в новом издании:

Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве, или даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою... [12, с. 218].

Действительно, союз *или* здесь употреблен не столько как разделительный, сколько как пояснительный: он вводит альтернативную номинацию с градацией по степени важности,

подчеркнутой частицей *даже*. Конструкция не противопоставляет одно другому, но отражает ход мысли говорящего; в ней нет признаков логической дизъюнкции (никто не предлагает великому народу примириться — на выбор — с первостепенной или второстепенной ролью). Всё это делает запятую перед *или* обязательной.

Во фразе:

Все концы точно как ножницами обрезают [12, с. 97]

новое издание «Бесов» справедливо усмотрело отсутствие сравнительного оборота, налицо сказуемое со сравнительным союзом, и в соответствии с этим убрало запятые, выделяющие словосочетание *точно ножницами* [13, с. 89].

В другом случае — во фразе

...и стал ей необходим, как воздух [13, с. 379],

казалось бы, сравнительный оборот все же есть, однако запятая не нужна по иной причине: здесь присутствует устойчивый оборот, исключающий необходимость знака. Соответствующее исправление было сделано в ПСС₂ [12, с. 421].

В новом издании «Бесов» исправлена также неверная текстологическая трактовка фразы

...вам до ее здоровья всё равно, что до здоровья серой кошки... [13, с. 179].

В данном случае *все равно что* представляет собой единый сравнительный союз, семантически эквивалентный *как*, вводящий главный член безличного предложения; соответствующее исправление было внесено [12, с. 195].

Аналогичным образом исправлено обособление мнимого сравнительного оборота:

...отправился своею дорогой, оставив меня в дураках. Было всё равно, как бы я сам поднял... [13, с. 71].

Всё равно как бы здесь также представляет собой единый союз со сравнительной функцией, эквивалентный *словно*. Версия старого издания (с запятой) ущербна еще и тем, что возникает смысл, будто кому-то — скорее всего говорящему — было все равно, хотя на самом деле утверждается обратное — глубокая заинтересованность в этом деле. В новом издании с удовлетворением читаем:

...отправился своею дорогой, оставив меня в дураках. Было всё равно как бы я сам поднял... [12, с. 77].

Еще одна ошибка, вызванная неверной оценкой потенциального сравнительного оборота, в старом издании:

Инженер сидел, как будто нахохлившись, и прислушивался с неловким нетерпением [13, с. 75].

Сравнительного оборота здесь нет, равно как нет и оснований сравнения, *как будто* в этом контексте не союз, а частица. Правильно в новом издании:

Инженер сидел как будто нахохлившись и прислушивался с неловким нетерпением [12, с. 81].

В новом издании исправлена также ошибка в тексте стихотворения капитана Лебядкина, посвященного Лизе Тушиной, где выставлена ошибочная запятая, явно взятая из издания 1874 г.:

Милостивая государыня, Елизавета Николаевна! [13, с. 106]

На наш взгляд, словосочетание *Милостивая государыня Елизавета Николаевна* представляет собой единое обращение, внутри которого нет оснований для постановки запятой. Представление о том, что это два обращения, несостоятельно, так как в этом случае было бы целесообразно разделить их восклицательным знаком. Поэтому в новом издании правильно:

Милостивая государыня Елизавета Николаевна! [12, с. 115].

В следующей фразе предшествующего академического издания:

Были из них и такие, которые уже возненавидели Лизавету Николаевну, и, во-первых, за гордость... [13, с. 88] —

налицо логическая ошибка, порожденная лишней запятой. Союз *и* сливается в данном случае с вводным словом, и если разделить их запятой, то возникает неразрешимый вопрос, что с чем связывает союз. Союз имеет здесь не соединительное, но присоединительное значение, он выполняет вводную функцию вместе с *во-первых*. В новой версии правильно:

Были из них и такие, которые уже возненавидели Лизавету Николаевну, и во-первых, за гордость... [12, с. 95].

В новом издании исправлено искажающее смысл отсутствие запятых при вводной конструкции *по крайней мере*:

Я застал его как бы пьяного; первые пять минут по крайней мере я думал, что он пьян [13, с. 95];

Я застал его как бы пьяного; первые пять минут, по крайней мере, я думал, что он пьян [12, с. 105].

Суммируя наши наблюдения, делаем вывод, что ошибки и непродуманные текстологические решения содержатся в обоих изданиях. Различие

же заключается в том, что в Полном собрании сочинений под рук. Г.М. Фридендера эти ошибки имеют характер недочетов при в целом верно выбранной методологии и последовательном воплощении в жизнь текстологической инструкции. В издании же 2021 г. все обстоит в точности наоборот: текстологическая инструкция забыта, буквалистский подход с воспроизведением пунктуации и частично орфографии прижизненного здания, неверная методология — и при этом ряд весьма точных исправлений ошибок, сделанных в предыдущем издании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рейсер С.А. Палеография и текстология нового времени. М.: Просвещение, 1970. 136 с.
2. Рейсер С.А. Основы текстологии. 2-е изд. Л.: Просвещение, 1978. 176 с.
3. Лихачев Д.С. Текстология: Краткий очерк. М.; Л.: Наука, 1964. 102 с.
4. Эйхенбаум Б.М. Редактор и книга. Выпуск 3. М.: Искусство, 1962. 98 с.
5. Гришунин А.Л. Исследовательские аспекты текстологии. М.: Наследие, 1998. 413 с.
6. Нечаева В.С. Проблема установления текстов в изданиях литературных произведений XIX и XX веков // Вопросы текстологии: сб. ст. М.: Издательство АН СССР, 1957. С. 29–88.
7. Березкина С.В. «Униженные и оскорбленные» Достоевского: три текста, три издания // Русская литература. 2011. № 3. С. 97–109.
8. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 35 т. Т. 1. СПб.: Наука, 2013. 814 с.
10. Баршт К.А. Край и середина аутентичности. Заметки о текстологии Достоевского // Вопросы литературы. 2020. № 4. С. 154–178.
11. Баршт К.А. О текстологии произведений Ф.М. Достоевского, интонационной пунктуации XIX века и грамматической норме современного русского языка (на материале 9-го тома Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского в 35 т. СПб.: Наука, 2020. 1029 с.) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 6. С. 34–48.
12. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 35 т. Т. 10. СПб.: Наука, 2021. 580 с.
13. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 10. Л.: Наука, 1974. 520 с.

14. Достоевский Ф.М. Бесы. Роман в трех частях. СПб.: Типография К. Замысловского, 1873. 977 с.
15. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 301 с.
16. Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полное собрание художественных произведений. Т. 7. Л.: Гос. изд-во, 1927. 616 с.
17. Пахомов В. М., Свинцов В.В., Филатова И.В. Трудные случаи русской пунктуации: Словарь-справочник. М., 2012. 577 с.
18. Современный русский язык. Синтаксис: Учебник и практикум для академического бакалавриата / Под общей редакцией С.Г. Ильенко; отв. ред. М.Я. Дымарский. М.: Издательство Юрайт, 2016. 391 с.

REFERENCES

1. Reiser, S.A. *Paleografija i tekstologija novogo vremeni* [Paleography and Textual Criticism of Modern Times] Moscow: Prosveshhenie Publ., 1970. 136 p. (In Russ.)
2. Reiser, S.A. *Osnovy tekstologii* [Fundamentals of Textology] 2nd ed. Leningrad: Prosveshhenie Publ., 1978. 176 p. (In Russ.)
3. Likhachev, D.S. *Tekstologija: kratkij ocherk* [Textual Criticism: A Brief Essay] Moscow, Leningrad: Nauka Publ., 1964. 102 p. (In Russ.)
4. Eichenbaum, B.M. *Redaktor i kniga* [Editor and Book]. Issue 3. Moscow: Iskusstvo Publ., 1962. 98 p. (In Russ.)
5. Grishunin, A.L. *Issledovatel'skie aspekty tekstologii* [Research Aspects of Textual Studies]. Moscow: Nasledie Publ., 1998. 413 p. (In Russ.)
6. Nechaeva, V.S. *Problema ustanovlenija tekstov v izdaniyah literaturnykh proizvedenij XIX i XX vekov* [The Problem of Establishing Texts in Publications of Literary Works of the 19th and 20th centuries]. *Voprosy tekstologii* [Topics in the Study of Textual Criticism. Collective monography]. Moscow: Edition ASUSSR Publ., 1957, pp. 29–88. (In Russ.)
7. Berezkina, S.V. “Unizhennye i oskorblennye” *Dostoevskogo: tri teksta, tri izdaniya* [“Humiliated and Insulted” by Dostoevsky: Three Texts, Three Editions]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 2011, No. 3, pp. 97–109. (In Russ.)
8. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t.* [Complete Works in 30 Vols.]. Leningrad: Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
9. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 35 t.* [Complete Works in 35 Vols.]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka Publ., 2013. 814 p. (In Russ.)
10. Barsh, K.A. *Kraj i seredina autentichnosti. Zametki o tekstologii Dostoevskogo* [The Edge and the Middle of Authenticity. Notes on Dostoevsky's Textology].

- Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2020, No. 4, pp. 154–178. (In Russ.)
11. Barsht, K.A. *O tekstologii proizvedenij F.M. Dostoevskogo, intonacionnoj punktuacii XIX veka i grammaticheskoy norme sovremennogo russkogo jazyka (na materiale 9-go toma Polnogo sobranija sochinenij F.M. Dostoevskogo v 35 t. SPb.: Nauka, 2020. 1029 s.)* [On the Textual Criticism of F.M. Dostoevsky's Works, Intonation Punctuation of the 19th Century and the Grammatical Norm of the Modern Russian Language]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 6, pp. 34–48. (In Russ.)
 12. Dostoevsky, F.M. *Besy* [Demons]. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 35 t.* [Complete Works in 35 Vols.]. Vol. 10. St. Petersburg: Nauka Publ., 2021. 580 p. (In Russ.)
 13. Dostoevsky, F.M. *Besy* [Demons]. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t.* [Complete Works in 30 Vols.]. Vol. 10. Leningrad: Nauka Publ., 1974. 520 p. (In Russ.)
 14. Dostoevsky, F.M. *Besy* [Demons]. St. Petersburg: Tipography K. Zamyslovskogo Publ., 1873. 977 p. (In Russ.)
 15. *Pravila russkoj orfografii i punktuacii* [Rules of Russian Spelling and Punctuation] *Polnyj akademicheskij spravocnik* [The Complete Academic Handbook]. Ed. by V.V. Lopatin. Moscow: Eksmo Publ., 2007. 301 p. (In Russ.)
 16. Dostoevsky, F.M. *Besy* [Demons]. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie khudozhestvennykh proizvedenij* [The Complete Collection of Works of Art]. Vol. 7. Leningrad: Gov. Publ. House, 1927. 616 p. (In Russ.)
 17. Pakhomov, V.M., Svintsov, V.V., Filatova, I.V. *Trudnye sluchai russkoj punktuacii: Slovar-spravocnik* [Difficult Cases of Russian Punctuation: Dictionary-Reference]. Moscow, 2012. 577 p. (In Russ.)
 18. *Sovremennyj russkij jazyk. Sintaksis: Uchebnik i praktikum dlja akademicheskogo bakalavriata* [Modern Russian language. Syntax: Textbook and Workshop for Academic Undergraduate Studies]. Ed. by S.G. Ilyenko, M.Ja. Dymarsky. Moscow: Jurajt Publ., 2016. 391 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 8 июля 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 24 июля 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.

Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on July 8, 2024

Revised on July 24, 2024

Accepted on August 15, 2024

Date of publication: October 31, 2024